

«НА ТОНКОЙ НИТИ...»

(По книге Михаила Ульянова

«Реальность и мечта»)

Театральная встреча из цикла

«В доме Ульяновых»

Автор инсценировки Константин Рехтин, заслуженный деятель культуры Омской области

Режиссёр Александр Горбунов, лауреат премии Президента РФ

Художник Владимир Сафронов, член Союза художников России

Музыкальное оформление Дмитрий Бедунов
Премьера спектакля состоялась 14 декабря 2020 года в Доме-музее М. А. Ульянова

АКТРИСА: Здесь, в этом доме, где Михаил Ульянов провёл детство, мы решили играть небольшие спектакли по книгам нашего великого земляка.

АКТЁР 1: Удивительно, но, не являясь профессиональным литератором, им было написано достаточно много книг.

АКТЁР 2: «Реальность и мечта».

АКТРИСА: «Работаю актёром».

АКТЁР 1: «Приворотное зелье».

АКТРИСА: «Возвращаясь к самому себе».

АКТЁР 1: «Моя профессия».

АКТЁР 2: И, конечно же, много важного мы узнали из книги «Неизвестный Ульянов», появившейся благодаря дочери Михаила Александровича Елене.

АКТРИСА: В этих книгах Ульянов с предельной откровенностью пишет о себе, о временах, в которых ему довелось жить,

о людях, повстречавшихся на жизненном пути.

АКТЁР 1: Как часто, оглядываясь назад, я задавал себе вопрос: почему моя жизнь сложилась именно так, а не иначе? Почему, когда независимо от моего сознания решалась моя судьба, я делал один, а не другой шаг? Почему, наконец, именно мне выпало стать тем, кем я стал, ведь, быть может, на эту роль мог претендовать иной, более достойный и талантливый человек?

АКТЁР 2: Нет однозначных ответов на эти вопросы. И лишь одно теперь подсказывает мне мой опыт: слишком часто всё в жизни повисает на тонкой нити, и человек бессилен и беззащитен перед разверзшейся перед ним неизвестностью... Ах, только бы нить не порвалась!

АКТЁР 1: Когда-то в далёком 46-м году мой отец, демобилизовавшись из армии, привёз маленький трофейный пистолет: тогда много было оружия (*кладёт пистолет на стол*).

УЛЬЯНОВ (*заворачивает пистолет в тряпицу и укладывает на дно чемодана*): Уж не знаю, зачем я выклянчил его. И в том же году из этого вышла крошечная глупость, от которой даже сейчас я не могу вполне оправиться. (*Идёт с чемоданом как бы по вокзальной площади. Слышатся звуки вокзала.*)

АКТЁР 1: Приехав в Москву поступать в театральное училище, я вышел из поезда и был застигнут врасплох столичной кутерьмой и многоликостью.

АКТЁР 2: К тому же на Курском вокзале шла тотальная проверка приезжих.

ПАТРУЛЬНЫЙ: Милиционеры и люди в штатском, как говорится, наводили шмон. (*Обращаясь к Ульянову*) Ваши документы, молодой человек!

УЛЬЯНОВ (*подавая документы*): Подошедший патруль слишком придирчиво изучал предъявленные мною бумажки.

ПАТРУЛЬНЫЙ: Чемодан-то трофейный?..

УЛЬЯНОВ: Ну да! Отец с фронта привёз.

ПАТРУЛЬНЫЙ: Откуда приехал-то?

УЛЬЯНОВ: Из Сибири. Из Омской области.

ПАТРУЛЬНЫЙ: А зачем?

УЛЬЯНОВ: На артиста учиться.

ПАТРУЛЬНЫЙ: Ух, ты!.. Ну, артист, открывай чемодан! Посмотрим, что там у тебя...

УЛЬЯНОВ *открывает чемодан, медленно встаёт.*

АКТЁР 1: Там находились рубашка, кулёк картошки в дорогу, ещё какое-то барахло, среди которого лежал...

УЛЬЯНОВ: Аккуратно завернутый в тряпицу пистолет.

АКТЁР 2: И вот, стоя над раскрытым чемоданом, я вдруг остро почувствовал, что именно сейчас, сию минуту должна закончиться моя нормальная человеческая жизнь. А что будет после – бог весть!

ПАТРУЛЬНЫЙ: Что там завернуто в тряпицу? Ну... Что везёшь?

УЛЬЯНОВ: Вакса... *(Большая пауза.)*

ПАТРУЛЬНЫЙ: На артиста, говоришь, приехал учиться? А что, у тебя эти, как это говорится, навыки есть?

УЛЬЯНОВ: Какие уж там актёрские навыки – я просто соврал, по-мальчишески полагаясь на авось, и мне повезло. И только несколькими часами позже, в тишине приютившей меня московской квартиры я полностью осознал, что во время того злополучного досмотра на Курском вокзале мимо меня со всей своей безудержной силой и неодолимой неизбежностью пронеслась моя судьба. И что были по сравнению с ней юношеские мечты о поступлении в театральное училище, когда реальностью для меня на долгие годы могла стать совсем иная и очень далёкая от искусства жизнь?

АКТЁР 1: Та нечаянная свобода, которую вдруг почувствовал наш народ, переломив хребет германскому фашизму в страшной войне, закончилась очень быстро.

АКТЁР 2: Сталин вновь начал по-своему наводить в стране порядок, и многие из тех, кто недопонимал происходящее, жестоко заплатили за это неведение.

АКТЁР 1: Впрочем, нечто подобное можно сказать о любом времени: жизнь, как река щепку, порой несёт человека в водоворот.

УЛЬЯНОВ: А мне посчастливилось при-

биться к берегу, и вскоре я без тени сожаления выбросил злополучный пистолет.

АКТЁР 2: Несомненно, произошедшее со мной было случайностью. И произошедшее за пару лет до этого тоже.

АКТРИСА: Есть жуткая статистика, что парни, родившиеся в СССР в период с 1922 по 1926 год, были уничтожены войной почти подчистую.

УЛЬЯНОВ: А я родился в 1927-м, когда мне и моим ровесникам было семнадцать, война практически закончилась.

АКТРИСА: Но она ещё шла, когда он учился в десятом классе. И вот из родной сибирской Тары по повестке его вызывают в военкомат для отправки в Омск в школу лётчиков-истребителей.

АКТЁР 1: Неоперившихся «сталинских соколов» тогда обучали воздушному бою по известной формуле «взлёт – посадка», то есть в ускоренном темпе, быстро, судорожно, не считаясь даже с гибелью курсантов в самой лётной школе.

АКТЁР 2: Что уж тут говорить о предстоящих им фронтowych испытаниях!

УЛЬЯНОВ: А нас, «птенцов», по приказу собралось в клубе человек двести. Неизвестность пугала. Ходили разные слухи о том, как нас будут проверять, чтобы отобрать годных для лётной службы. Говорили, например, что заведут тебя в тёмную комнату, скажут «иди» – и под тобой провалится пол. Ты ухнешь в яму, а потом будут слушать твоё сердце. Конечно, такой ерунды быть не могло. Правда, одно испытание нам всё-таки устроили – на специальном вращающемся кресле, для проверки вестибулярного аппарата.

АКТРИСА: Из двухсот человек отобрали пятьдесят.

УЛЬЯНОВ: В том числе и меня.

АКТРИСА: Но что-то в военной машине дало сбой.

УЛЬЯНОВ: К нам вдруг вышел офицер и объявил:

АКТЁР 1: Езжайте-ка, ребята, по домам. Ваш год решили пока не призывать.

УЛЬЯНОВ: И мы разъехались. А потом я, поступив в театральную студию при Омском

областном драматическом театре, получил бронь от призыва на воинскую службу.

АКТЁР 2: Тут судьба снова проявила ко мне снисходительность: ведь моих погодков из числа несостоявшихся лётчиков вскоре призывали в конвойные войска, которые впоследствии этапировали преступников и недобитых националистов с Западной Украины в лагерь. А кто-то из этих парней отправился в воинских эшелонах на восток – добывать японских милитаристов. И не знаю, многим ли из них повезло вернуться.

АКТЁР 1: Ещё большей случайностью было то, что я вообще увлёкся театром.

АКТЁР 2: Уму непостижимо, зачем это понадобилось мальчишке из сибирской глубинки, выросшему в семье, где о сцене даже не помышляли, где не было наследственной тяги к лицедейству и каких-либо театральных традиций.

АКТЁР 1: До 15 лет я толком не знал, что такое театр.

УЛЬЯНОВ: Наша семья, состоявшая из отца Александра Андреевича Ульянова, матери Елизаветы Михайловны, меня и младшей сестры Маргариты, жила в старом сибирском городке Тара, отдалённом на 300 километров от областного центра.

АКТЁР 2: Наш быт был больше похож на сельский со всеми трудами и заботами.

АКТЁР 1: В нашей жизни было мало места отдыху, а уж о театре редко кто помышлял.

АКТЁР 2: Но иногда летом к нам в Тару из Тобольска или из Омска приезжали актёрские труппы.

УЛЬЯНОВ (*обращается к матери*): Мама, а, мама!

МАМА: Миша, мне некогда! Видишь, тесто поднялось? Пора пироги печь.

УЛЬЯНОВ: Да мне только два слова сказать тебе.

МАМА: Ну, говори побыстрее, сынок.

УЛЬЯНОВ: Мама, денег дай.

МАМА: Это на что тебе?

УЛЬЯНОВ: Да тут театр из Тобольска на барже приплыл. В городском саду будут выступать. Помнишь, прошлым летом тоже приезжали артисты, только из Омска?

МАМА (*задумчиво*): Те-а-тр... А что это такое, сынок? Я ведь не видела ни разу.

УЛЬЯНОВ: Ну, как тебе, мама, объяснить? Это как кино, только там люди живые и говорят друг с другом как-то по-особенному, танцуют, поют, и костюмы у них такие... очень красивые! Да ты ведь помнишь, мы в школе сценку разыгрывали из Бориса Годунова!

МАМА: Помню. Ты там отца Варлаама изображал... Я чуть со смеху не померла от твоей бороды из кудели.

УЛЬЯНОВ: Ну, да... Куда нам до настоящих-то артистов!

МАМА: Ой, заговорила я с тобой! Тесто убежало!

УЛЬЯНОВ: Ну, так ты денег-то дашь?

МАМА: А ты картошку прополол?

УЛЬЯНОВ: Прополол.

МАМА: А навоз в стайке убрал?

УЛЬЯНОВ: Убрал.

МАМА: Ну, возьми. Знаешь, где деньги лежат.

АКТЁР 1: Летний театр в горсаду был без потолка, только крыша, и когда начинался дождь, то возникало такое ощущение, словно сидишь внутри барабана, по которому бьют сотни палочек. Актёров в дождливые дни почти не было слышно.

АКТЁР 2: Но, пожалуй, я смотрел на это как на сказку, которая ко мне не имеет отношения. Это была сказка без желания участвовать в ней. Да и видел-то я, наверное, спектакля два-три, не более, потрясений у меня никаких не осталось.

УЛЬЯНОВ: И вот надо же, опять случайность, решившая мою судьбу.

По радио слышится голос Левитана.

АКТРИСА: Шла война. В Тару стали прибывать эвакуированные, сначала с запада страны, а потом и с востока. В нашей пятистенной небольшой избе поселились ещё две семьи, в каждой, как и в нашей, по двое детей. Мы жили бедно, в тесноте, но дружно.

УЛЬЯНОВ: Читали вслух письма с фронта от отца и от знакомых нам мужей наших квартиранток, вечерами все вместе слушали сводки Совинформбюро.

АКТЁР 1: А ещё мы любили слушать по радио разведчиков.

АКТЁР 2: Шмелькова.

АКТЁР 1: И Ветеркова.

АКТЁР 2: Которых играли знаменитые впоследствии ленинградские актёры Борисов и Адоскин.

АКТРИСА: Сказочки-рассказочки, прибаутки и частушки, которые они исполняли, здорово поднимали настроение.

АКТЁР 1: В Сибирь были эвакуированы театры: в Омск – театр имени Вахтангова.

АКТЁР 2: В Новосибирск – Ленинградский театр имени Пушкина.

УЛЬЯНОВ: И вот опять удивительная случайность – именно в Таре появился театр: в город приехала группа украинских артистов.

АКТЁР 1: Основная часть которой была из львовского Театра имени Заньковецкой.

АКТЁР 2: Это был театр драмы и мюзкомедии, не совсем обычный симбиоз, но не редкий среди украинских театров.

УЛЬЯНОВ: Однажды вечером я встретил свою одноклассницу Хильду Удрас. (*Обращается к Хильде*) Хильда, откуда это ты так поздно?

ХИЛЬДА: Из студии.

УЛЬЯНОВ: Из какой студии?

ХИЛЬДА: А ты что, не знаешь? При театре студия открылась. Ею сам главный режиссёр руководит – Евгений Павлович Просветов.

УЛЬЯНОВ: А что вы там делаете?

ХИЛЬДА: А вот приходи завтра, увидишь!

УЛЬЯНОВ: А куда?

ХИЛЬДА: А помнишь, в горсаду ангарчик, где до войны театры выступали? Вот там мы и занимаемся.

УЛЬЯНОВ: В том самом?.. Нет! Не пойду!

Там, поди, одни девчонки занимаются!

ХИЛЬДА: Ну и что?.. Зато знаешь, как интересно!

УЛЬЯНОВ: Нет! Я просто приду тебя проводить и немного посмотрю.

АКТЁР 1: То, что я увидел, поразило меня... Евгений Павлович показывал, как ловит несуществующую рыбу на воображаемую удочку.

АКТЁР 2: Потом все «кололи воображаемым топором несуществующие дрова».

АКТРИСА: затем стали читать «Цыган» Пушкина.

Цыганы шумною толпой

По Бессарабии кочуют.

Они сегодня над рекой

В шатрах изодранных ночуют.

Как вольность, весел их ночлег

И мирный сон под небесами;

Между колёсами телег,

Полузавешанных коврами,

Горит огонь; семья кругом

Готовит ужин; в чистом поле

Пасутся кони; за шатром

Ручной медведь лежит на воле.

Всё живо посреди степей:

Заботы мирные семей,

Готовых с утром в путь недалкий,

И песни жён, и крик детей,

И звон походной наковальни.

Но вот на табор кочевой

Нисходит сонное молчанье,

И слышно в тишине степной

Лишь лай собак да коней ржанье.

Огни везде погашены,

Спокойно всё, луна сияет

Одна с небесной вышины

И тихий табор озаряет.

В шатре одном старик не спит;

Он перед углями сидит,

Согретый их последним жаром,

И в поле дальше глядит,

Ночным подёрнутое паром.

Его молоденькая дочь

Пошла гулять в пустынном поле.

Она привыкла к резвой воле,

Она придёт; но вот уж ночь,

И скоро месяц уж покинет

Небес далёких облака, —

Земфиры нет как нет; и стынет

Убогий ужин старика.

Но вот она; за нею следом

По степи юноша спешит;

Цыгану вовсе он неведом.

«Отец мой, — дева говорит, —

Веду я гостя; за курганом

Его в пустыне я нашла

И в табор на́ ночь зазвала.
Он хочет быть как мы цыганом;
Его преследует закон,
Но я ему подругой буду
Его зовут Алеко – он
Готов идти за мною всюду».

УЛЬЯНОВ: На улице стоял жуткий мороз,
в летнем театре было холодно. Не спасала
«буржуйка». А от этого чтения, казалось,
становилось тепло. Сейчас уже не вспо-
мнить, как сам я решился выйти на сцену.
Но это произошло.

АКТЁР 1: Счастлив ты, если в начале твое-
го творческого пути стоит учитель, который
открывает перед тобой секреты профессии,
делится своими знаниями, влюбляет в дело,
которому учит, распахивает перед тобой та-
кие дали, что дух захватывает.

АКТЁР 2: И неважно, было ли у твоего
учителя громкое имя или это был человек,
имя которого многим ничего не говорит,
главное, что он открыл перед тобой новый
мир, угадал твою судьбу, направил по вер-
ной дороге.

УЛЬЯНОВ: Какое-то время спустя, после
моего первого выхода на сцену, Евгений
Павлович сказал мне:

АКТЁР 1: – Миша, попробуйте поработать
над стихотворением Пушкина «Жил на све-
те рыцарь бедный». Посмотрим, что полу-
чится.

АКТЁР 2: ...В стайке у нас стояла корова, и
я убирал там навоз. И вот занимаюсь я этим
куда как земным делом и на все лады читаю
«Рыцаря бедного», пытаюсь как можно глуб-
же проникнуть в образ лирического героя.

Жил на свете рыцарь бедный,
Молчаливый и простой,
С виду сумрачный и бледный,
Духом смелый и прямой.
Он имел одно виденье,
Непостижное уму,
И глубоко впечатленье
В сердце врезалось ему.
Путешествуя в Женеву,
На дороге у креста

Видел он Марию деву,
Матерь господа Христа.
С той поры, сгорев душою,
Он на женщин не смотрел,
И до гроба ни с одною
Молвить слова не хотел.
С той поры стальной решетки
Он с лица не подымал
И себе на шею четки
Вместо шарфа привязал.
Несть мольбы Отцу, ни Сыну,
Ни святому Духу век
Не случилось паладину,
Странный был он человек.
Проводил он целы ночи
Перед ликом пресвятой,
Устремив к ней скорбны очи,
Тихо слезы лья рекой.
Полон верой и любовью,
Верен набожной мечте,
Ave, Mater Dei кровью
Написал он на щите.
Между тем как паладины
Встречу трепетным врагам
По равнинам Палестины
Мчались, именуя дам,
Lumen coelum, sancta Rosa!¹
Восклицал всех громче он,
И гнала его угроза
Мусульман со всех сторон.
Возвратясь в свой замок дальний,
Жил он строго заключён,
Всё влюбленный, всё печальный,
Без причастья умер он;
Между тем как он кончался,
Дух лукавый подоспел,
Душу рыцаря сбирался
Бес тащить уж в свой предел:
Он-де богу не молился,
Он не ведал-де поста,
Не путем-де волочился
Он за матушкой Христа.
Но пречистая сердечно
Заступилась за него
И впустила в царство вечно
Паладина своего.

¹ Свет небесный, святая Роза! (лат.)

АКТЁР 1: А война не кончалась. Когда она началась, мне было четырнадцать, теперь стукнуло шестнадцать.

АКТЁР 2: Я учился в школе, занимался в студии, помогал матери по хозяйству, жил в круговороте дел, не очень задумываясь о будущем. Вообще мои мечты и планы все тогда откладывали на «после войны».

АКТЁР 1: Я не мог распоряжаться собой в ожидании призыва в армию, не мог строить планы далеко вперёд.

АКТЁР 2: Как-то после одного из занятий Евгений Павлович сказал:

АКТЁР 1: – Миша, вам, я думаю, надо продолжать актёрскую учёбу в омской театральной студии Лины Семёновны Самборской. Стопроцентной гарантии, что вас туда примут, дать не могу, но попытаться стоит. Я напишу вам рекомендательное письмо. Подумайте над моим предложением.

УЛЬЯНОВ: С рекомендательным письмом и мешком картошки я тронулся в путь.

«...Эх, тройка! птица тройка, кто тебя выдумал? знать, у бойкого народа ты могла только родиться, в той земле, что не любит шутить, а ровнем-гладнем разметнулась на полсвета, да и ступай считать вёрсты, пока не зарябит тебе в очи. И не хитрый, кажись, дорожный снаряд, не железным схвачен винтом, а наскоро живьём с одним топором да долотом снарядил и собрал тебя ярославский расторопный мужик. Не в немецких ботфортах ямщик: борода да рукавицы, и сидит черт знает на чём; а привстал, да замахнулся, да затянул песню – кони вихрем, спицы в колёсах смешались в один гладкий круг, только дрогнула дорога, да вскрикнул в испуге остановившийся пешеход – и вон она понеслась, понеслась, понеслась!.. И вон уже видно вдали, как что-то пылит и сверлит воздух.

Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несёшься? Дымом дымится под тобою дорога, гремят мосты, всё отстаёт и остаётся позади. Остановился пораженный божьим чудом созерцатель: не молния ли это, сброшенная с неба? что значит это наводящее ужас движение? и что за

неведомая сила заключена в сих неведомых светом конях? Эх, кони, кони, что за кони! Вихри ли сидят в ваших гривах? Чуткое ли ухо горит во всякой вашей жилке? Заслышали с вышины знакомую песню, дружно и разом напрягли медные груди и, почти не тронув копытами земли, превратились в одни вытянутые линии, летящие по воздуху, и мчится вся вдохновенная Богом!.. Русь, куда ж несёшься ты? дай ответ. Не даёт ответа. Чудным звоном заливаается колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо всё, что ни есть на земли, и, косясь, посторониваются и дают ей дорогу другие народы и государства...»

УЛЬЯНОВ: Этот отрывок из поэмы Гоголя «Мёртвые души» я читал при поступлении в студию при омском театре.

АКТЁР 1: Удивительно, но прозанимавшись в омской театральной студии под руководством Лины Семёновны Самборской, я на свой страх и риск поехал в Москву, чтобы поступить в театральное училище. Надо сказать, что шансов для поступления у меня было мало.

АКТЁР 2: Действительно, сначала я благополучно провалился в Щепкинское училище и ряд других мест. И было неясно, что делать дальше в чужой для меня Москве, в её столичной толчее.

АКТЁР 1: Казалось, моя театральная жизнь покатила под уклон.

УЛЬЯНОВ: В помрачённом состоянии духа я отчего-то рассудил, что если пойду к актрисе Вере Николаевне Пашенной, которая набирала курс, и всё ей расскажу о своём бедственном положении, то она меня обязательно поймёт. Целый день я ходил вокруг её дома, так и не решившись зайти. Наверное, я правильно поступил. Где-то в глубине души, несмотря на отчаяние, я понимал всю наивность своего замысла.

АКТЁР 1: И вдруг – вот он случай! – нос к носу столкнулся со Славой Карпанем, студийцем из омского театра.

АКТЁР 2: Чудом был уже сам факт нашей встречи в огромном многомиллионном городе.

УЛЬЯНОВ: Славка, ты?!

СЛАВА: Мишка!

УЛЬЯНОВ: Ну, как у тебя дела?!

СЛАВА: Да никак... Везде показывался, везде пролетел! Придётся возвращаться в Омск.

УЛЬЯНОВ: А Самборская обратно в студию не возьмёт...

СЛАВА: Да знаю я! Не берёт она беглецов. Считает предателями...

УЛЬЯНОВ: Да... Плохи наши дела!

СЛАВА: А ты что, тоже везде провалился?

УЛЬЯНОВ: В Щепкинском на втором туре срезался. Во МХАТе – на третьем.

СЛАВА: А в Щуку? В Щуку ты показывался?

УЛЬЯНОВ: В какую Щуку?

СЛАВА: Ты что, не знаешь про театральное училище имени Щукина при вахтанговском театре?

УЛЬЯНОВ: Нет.

СЛАВА: Ну, ты даёшь! Беги прямо сейчас туда! Там ещё должен идти набор.

АКТЁР 1: Без всякой надежды я отправился туда.

АКТЁР 2: К моему удивлению, приняв документы, меня направили сразу на второй тур.

АКТЁР 1: Видимо, тут сыграло роль то, что я приехал из Омска, куда в годы войны был эвакуирован театр, и вахтанговцы хранили благодарную память об этом городе и его людях.

АКТЁР 2: Это опять было совпадением, удачей. Меня приняли в театральное училище имени Щукина.

АКТЁР 1: Актёры часто бывают зависимыми, а их герои – всевластными.

АКТЁР 2: Так жизнь вторгается в театр, а театр органично переплетается с жизнью.

АКТРИСА: Входя в роль и выходя из неё, будто качаешься на качелях из собственных нервов, поэтому так важно актёру сохранять духовное и физическое здоровье.

АКТЁР 1: К сожалению, с годами делать это становится всё тяжелее и тяжелее.

АКТЁР 2: И если нравственный опыт, безусловно, накапливается, то силы уходят.

УЛЬЯНОВ: Это требуют возвращения долгов те самые случайности, которые зачастую уберегали нас от невзгод и закономерно складывались в судьбу.

ЗАНАВЕС